

ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ¹

ЧЕЛПАНОВ Г.И.

От редакции

Выступая на открытии Второго Всероссийского съезда по педагогической психологии 2 июня 1909 года, Георгий Иванович Челпанов (1862–1936), один из основателей Московской психологической школы, поборник эксперимента в психологии, сделал доклад, посвященный тенденциям развития российской психологической науки. Соотношение объективных и субъективных методов, природа психологических фактов, взаимосвязь теории и эксперимента, значение практики, роль естественнонаучной и гуманитарной подготовки будущих психологов – далеко не полный перечень тем, затронутых в докладе. Удивительно, но спустя сто лет многие из поднятых проблем сохранили свою актуальность.

В настоящем собрании я считаю вполне целесообразным рассмотреть вопрос, имеющий, как мне кажется, важное практическое значение как в научном, так и в учебном отношении, именно вопрос о том, как нужно понимать *задачи современной психологии*. Вопрос этот очень широкий и вследствие этого на первый взгляд неопределенный, но он тотчас приобретает полную определенность, если я скажу, что намереваюсь рассмотреть *сравнительную ценность различных методов исследования в современной психологии*.

Предлагая вашему вниманию этот, так сказать, программный вопрос, я исхожу из убеждения, что для успехов науки очень важно от времени до времени подвергать пересмотру вопросы этого рода. Относительно всех наук можно сказать, что в них часто под влиянием различных условий правильное понимание задач затемняется, и потому во всех науках программные вопросы нуждаются в постоянном пересмотре. В особенности же это справедливо по отношению к психологии, задачи и предмет которой, как известно, никогда не были определены в такой мере точно, чтобы не вызывать сомнений.

Итак, какими методами должна пользоваться современная психология? Я этот вопрос считаю очередным вопросом, вопросом жизненной важности, вопросом, настойчиво ждущим своего решения. Кажется, что если бы нужно было характеризовать, как современное русское образованное общество относится к задачам психологии, то на это лучше всего можно было бы ответить в следующих выражениях. В настоящее время принято думать, что существуют две психологии: с одной стороны, новая, современная, научная, экспериментальная психология, а с другой стороны, прежняя психология, не-экспериментальная, основанная на так называемом самонаблюдении, философская или даже метафизическая, которая уже отжила свое время и сделалась достоянием истории, или, если выразиться правильнее, должна сделаться достоянием истории.

Я не решаю сказать, все ли, кому приходится оценивать значение методов современной психологии, согласились бы подписаться именно под этой формулой, признать ее своей, но решительно утверждаю, что очень многие, если не все, у нас действуют так, как если бы эта формула была совершенно правильна и имела руководящее значение. В настоящее время очень многие склонны думать, что нужно совершенно прекратить все те исследования, которые производятся помимо эксперимента, и заниматься исследованием только таких вопросов, к которым применим эксперимент.

¹ Примечания вставлены Г. И. Челпановым после прочтения доклада..

Я нахожу, что эта формула совершенно неправильна и что она в очень ложном виде изображает современное положение задач психологии. Мне кажется, что эта формула, принятая, впрочем, не только у нас в России, но и на Западе, является очень серьезным препятствием для правильного развития психологии, в особенности потому, что многие, ошибочно отождествляя *экспериментальную* психологию с *эмпирической*, только к одной экспериментальной психологии считают возможным прилагать эпитет «научный».

Я предполагаю рассмотреть, действительно ли психология, называемая экспериментальной, *делает излишним все то, что было признано в прежней психологии*. Мне представляется совершенно очевидным, что, после того как в психологии стали с большим успехом и с большой пользой для психологии применять экспериментальные методы исследования, ничего из того, что было принято до сих пор в психологии, не делается излишним; прибавилось нечто новое, очень существенное, но ничего из прежнего не отвергнуто, а потому нельзя говорить, что есть две психологии. Есть только *одна* психология; экспериментальной психологии как особой *научной дисциплины* вовсе не существует, а есть только экспериментальные *методы* исследования.

Рассмотрим, в чем заключается сущность экспериментального метода исследования, *вносит ли он что-либо принципиально новое в психологическое исследование*, а главным образом, *исключает* ли он что-либо из тех способов исследования, которые были прежде приняты, или нет. Для этого прежде всего необходимо условиться относительно того, что следует называть *экспериментом*.

Как известно, общее определение эксперимента сводится к следующему. Если мы изучаем какие-нибудь психические события или явления в том виде, в каком они совершаются в действительности, причем мы не вмешиваемся в ход событий, то это будет изучением при помощи простого восприятия или наблюдения. Мы, например, подмечаем какой-либо случай ассоциации по сходству, мы воспринимаем какое-либо последовательное изображение. Все это случаи простого наблюдения психических явлений. Такого рода изучение принято называть обыкновенно исследованием при помощи *самонаблюдения*.

С другой стороны, мы можем изучать психические явления, *вмешиваясь* в ход этих явлений, произвольно *созидая* эти явления, вызывая их искусственным путем и изменяя те *условия*, при которых они возникают. При таком изучении психических явлений, как и при изучении явлений природы, открывается возможность устанавливать причинную связь явлений. Это будет изучением при помощи эксперимента. Если я, например, хочу определить роль внушения, то могу это сделать, если искусственно вызову это явление и стану изменять условия, при которых происходит внушение.

Спрашивается, есть ли коренное различие между экспериментальным исследованием и исследованием при помощи простого самонаблюдения? Ответ на этот вопрос станет совершенно ясным, если мы дифференцируем понятие эксперимента.

Понятие эксперимента можно употреблять в *двух* различных значениях. Во-первых, оно может быть тождественным с наблюдением явления, произвольно нами вызываемого или произвольно нами создаваемого. Это будет тот случай, когда мы изучаем какое-либо явление, вызывая его по собственному произволу. Существенным для этого эксперимента является то, что мы создаем явление, что мы его вызываем искусственно. Это будет эксперимент в *широком* смысле слова.

Но эксперимент можно понимать и в другом смысле, именно как изучение явлений при *условиях*, которые могут быть *видоизменяемы*. Это будет эксперимент в *узком* смысле

ле слова. В этом случае мы, изменяя те или другие физиологические условия, изменяем связанные с ними психические процессы. Существенным для этого вида эксперимента является то, что в нем могут быть видоизменяемы условия, при которых совершается получаемое явление. Все виды экспериментального исследования в психологии могут быть подведены под эти два основных типа, и оба они применяются в современной психологии.

Но спрашивается, применялись ли в прежней психологии эти два способа исследования, или же они были совершенно чужды прежней психологии, психологии самонаблюдения, и составляют достояние только современной психологии? Я думаю, что и в прежней психологии применялся как тот, так и другой вид эксперимента. Что первый вид эксперимента может быть применяем, это совершенно ясно. Мы можем **вызывать** искусственно, по собственному произволу, то или другое душевное состояние, представление, чувство. Для того чтобы убедиться, что между прежней психологией и современной никакой существенной разницы нет, мы рассмотрим какое-нибудь исследование при помощи эксперимента, как он применяется в современной психологии, т. е. при помощи внешнего воздействия, и как он мог применяться в прежней психологии.

Положим, что современный психолог в психологической лаборатории хочет изучить природу суждения. Как он должен будет поступить для этого? Это он станет делать приблизительно следующим образом. Он ставит различные вопросы, на которые испытуемый субъект должен дать ответ. Давая ответ в форме суждения, он переживает суждение, и затем, описывая этот процесс, он доставляет материал, на основании которого мы делаем предположения относительно природы суждения. Что в такого рода исследовании мы имеем дело с исследованием, имеющим экспериментальный характер, в этом нет никакого сомнения. Изучению подвергается искусственно вызываемое явление ².

Но что делал прежний психолог, когда ему нужно было высказать свой взгляд на природу суждения и когда он производил исследование только лишь при помощи самонаблюдения? Он точно таким же образом ставил себе вопрос, отвечал на него в форме суждения, а затем старался на самом себе проследить свои переживания. Повторяя многократно это явление, он описывал затем свои переживания и делал заключения относительно изучаемого процесса. Есть ли какая-либо существенная разница между тем, что делал прежний психолог, и тем, что делает психолог, изучающий при помощи эксперимента? Мне кажется, нет.

Но можно утверждать, что в самонаблюдении может быть применяем и второй вид эксперимента, т. е. мы можем **вызывать** те или другие состояния, которые мы и изменяем по собственному произволу. В самом деле, вызвав в себе какое-нибудь состояние, например какое-либо представление, я всегда могу что-нибудь к нему прибавить, что-нибудь от него отнять. Все такие видоизменения я могу производить в моем внутреннем опыте и, что самое существенное, без какого-либо **воздействия извне**, без применения каких бы то ни было приборов и т. п.; например, я вызываю какое-нибудь представление с известной интенсивностью; я могу эту интенсивность ослабить, усилить; могу что-либо присоединить, что-либо отнять, какой-нибудь звук я могу мыслить без интенсивности и т. п. Словом, я могу изменять то или иное переживаемое мной психическое состояние. Возможность произвольного видоизменения содержания нашей духовной деятельности ясно показывает, что и в преж-

² Об этом подробнее см. статью: «Об экспериментальном исследовании высших умственных процессов» («Вопросы философии и психологии», кн. 96).

ней психологии, в психологии так называемого самонаблюдения, применялся «эксперимент». Какой бы факт ни описывал психолог, утверждая, что он занимается просто самонаблюдением, на самом деле ведь он не описывает его на основании единичного переживания. Он рассматривает описываемый факт при различных условиях, а это связано с применением эксперимента, который можно было бы назвать **внутренним экспериментом** в отличие от **внешнего эксперимента**, который по преимуществу применяется в современной экспериментальной психологии. Различие между внутренним и внешним экспериментом сводится к тому, что во втором мы производим **видоизменение психических состояний при помощи внешнего воздействия**.

Но получается ли от этого какое-либо существенное видоизменение? Мне кажется, что принципиальной разницы между этими двумя способами исследования нет, хотя, разумеется, едва ли кто-нибудь станет оспаривать, что на стороне эксперимента при помощи внешнего воздействия есть огромные преимущества.

Несомненно, что в эксперименте при помощи внешнего воздействия мы получаем результаты наиболее точные и что в нем мы имеем наиболее совершенную форму психологического исследования. Тем не менее между исследованием при помощи эксперимента и между исследованием при помощи самонаблюдения разница только по **количеству**, по **степени**. То, что в процессе самонаблюдения исследуется на одном лице, то здесь можно исследовать на множестве лиц. То, что там изучается на сравнительно немногих случаях, здесь может изучаться на безгранично большом числе случаев. Вследствие того что внешним экспериментом устраняются ошибки, зависящие от индивидуальных особенностей, в настоящее время при помощи экспериментов получаются результаты, несравненно более точные, чем прежде. Поэтому внешнему эксперименту нужно отдать предпочтение перед прежним способом исследования.

Но получается ли что-либо **принципиально новое** в этом способе исследования? Я решительно утверждаю, что нет. И прежняя психология постоянно применяла эксперимент, и только **систематическое и планомерное** применение эксперимента составляет достояние новейшей психологии.

Что новейшая экспериментальная психология не привносит чего-либо принципиально нового, можно показать при помощи следующих соображений. Прежний психолог пользовался самонаблюдением. Современный психолог, производящий эксперимент, не устраняет самонаблюдения, а только, так сказать, расширяет его. Он благодаря эксперименту увеличивает **количество** собираемых им фактов, самые факты он элиминирует от случайностей. Он, так сказать, **улучшает** изучаемые факты. Но ведь и в экспериментальном исследовании расширяется и увеличивается то же **самое самонаблюдение, которое являлось основой прежней психологии**. Экспериментальный метод исследования **предполагает** метод самонаблюдения: нельзя исследовать какие-либо психические явления без того, чтобы не прибегать к самонаблюдению. Ведь если испытуемый субъект дает показания относительно тех или иных переживаний, то все эти показания получены на основании самонаблюдения. Ясно, что без самонаблюдения нельзя произвести никакого психологического эксперимента. Самонаблюдение совсем не исключается экспериментальным методом исследования. Если к этому прибавить, что психологи, занимающиеся экспериментальными исследованиями, советуют обращать внимание на особенности в самонаблюдении испытуемых, при производстве эксперимента они подробно опрашивают испытуемых лиц относительно их переживаний, то это является дополнительным доказательством в пользу важности самонаблюдения.

Нельзя говорить об исключении самонаблюдения экспериментальным способом наблюдения еще по той причине, что ведь **не все же явления психические могут быть изучаемы экспериментально**. Как же быть с теми явлениями? Ведь по отношению к ним мы поставлены в безвыходное положение: или совсем их не изучать, или изучать по прежнему способу, т. е. при помощи самонаблюдения. Так как остается только этот последний путь, то ясно, что исследование при помощи простого самонаблюдения не исключается введением экспериментального способа исследования.

Если в последнее время принято говорить о возможности и желательности **объективного изучения психических явлений**, то этот термин «объективного изучения» нужно понимать в очень условном смысле. Нельзя понятие объективного изучения применять к психологии в том смысле, в каком оно применяется в физических науках. Нельзя психические явления изучать объективно так, как изучаются, например, явления кровообращения, дыхания и т. п. Можно вполне согласиться с предположением, что, изучая объективные проявления психических явлений, физические симптомы психических явлений из их взаимного соотношения, мы получаем возможность делать заключения относительно природы психических явлений; но ведь совершенно ясно, что, так сказать, позади физических выражений мы предполагаем **психические** явления; потому что ведь мы о них и говорим, хотя они, может быть, в данном случае недоступны для нашего сознания. Если мы говорим на основании объективного наблюдения относительно природы психических явлений, то совершенно ясно, что **мы говорим о них в терминах нашего самонаблюдения**. Таким образом, если изучение взаимоотношений физических симптомов открывает нам отношения между психическими явлениями, которые недоступны для нашего сознания, то такое изучение не будет объективной психологией, потому что в конце концов мы открываем связи между психическими явлениями, которые известны нам из нашего **самонаблюдения**. Весьма часто говорят, что мы должны допустить существование так называемых бессознательных явлений, недоступных нам из нашего самонаблюдения, что в этом смысле они имеют, так сказать, физиологический, объективный характер. Но относительно понятия бессознательного я должен сделать следующие два замечания. Во-первых, бессознательные явления суть тоже явления психические, потому что, на мой взгляд, понятие психического шире понятия сознательного, а во-вторых, о действительном характере бессознательного мы знаем по преимуществу из нашего самонаблюдения; мы умозаключаем о них в том случае, когда мы не можем объяснить из самонаблюдения возникновение тех или иных психических процессов.

Таким образом, ясно, что **нельзя устранить самонаблюдение из психологии. Оно всегда лежит в основе и экспериментального, и так называемого объективного изучения психических явлений**.

Если в настоящее время выдвигают на первый план экспериментальную психологию, то есть опасность, что это будет понято в том смысле, что все другие методы исследования имеют второстепенное значение; но это едва ли будет справедливо по отношению, например, к так называемому **генетическому** методу психологии. Может ли он быть устранен из психологии, должен ли он уступить место экспериментальной психологии? Я думаю, что этого отнюдь нельзя утверждать. Ведь сюда относятся такие области, как психология животных, как психология ребенка, и такая важная отрасль, как **социальная психология**, так называемая «*Volkerpsychologie*», т. е. психология, занимающаяся изучением тех проявлений духовной жизни, которые являются продуктом социального общения, как, например, развитие морального чувства, мифы, развитие речи, развитие искусства и т. п. Изучение этих явлений

имеет значение не только само по себе, но и для общей психологии, потому что законы, найденные в каждой из этих областей, важны не только в том отношении, что мы узнаем, как шло развитие морального чувства в человечестве, но мы в этом находим материал для выяснения развития общих законов психической жизни. Этот вид психологического исследования уже принес свои плоды. Между тем когда речь идет о содержании и задачах современной психологии, то он как бы отодвигается на задний план по сравнению с экспериментальной психологией, что нужно считать несправедливым, потому что по плодотворности результатов генетическая психология стоит не ниже экспериментальной.

Сторонники исключительно экспериментальной психологии должны, конечно, отрицать все то, что было в прежней психологии, другими словами, все то, что не имеет экспериментального характера, и прежде всего должны отрицать значение всех тех психологических *теорий*, которые возникают независимо от эксперимента. Все такие теории принято осуждать как философские или даже как метафизические. Мне кажется, что пренебрежительное отношение именно к этим теориям является серьезным препятствием для развития психологии. Я не стану рассматривать, откуда берутся эти теории. Это завело бы нас слишком далеко. Замечу только, что я говорю о тех теориях, которые *не получены экспериментальным путем*. Теории, как известно, противопоставляются фактам, и эти последние в глазах многих имеют большее научное значение, чем какие бы то ни было теории. Но важное значение теорий должно быть тотчас признано, как только мы примем во внимание, что всякая наука состоит не только из фактов, но равным образом и из теорий, которые созидаются часто независимо от фактов. Они часто представляют собой так называемые гипотезы, предположения. Это предположения, которые не покрываются известными нам фактами, которые именно потому и созидаются, что для них нет соответствующих фактов. Но теории эти таковы, что из них часто могут быть сделаны весьма важные выводы. Так обстоит дело во всех науках, так обстоит дело и в психологии. Эту часть психологии я назвал бы *теоретической* психологией или, еще правильнее, *дедуктивной* психологией. Все вопросы, касающиеся общих свойств сознания: внимания, апперцепции, воли и т. п., определений сознательного и бессознательного и т. п., решаются в области именно теоретической психологии.

Но как следует отнестись к этой части психологии, следует ли ее сохранить или, как не добытую экспериментальным путем, следовательно, как менее точную, отбросить. Я думаю, что эту часть психологии не только нельзя отбрасывать, как отжившую, как устарелую, а, напротив, это есть *та часть психологии, без которой не могут существовать никакие вообще психологические исследования, в том числе и экспериментальные*.

Самые простые соображения методологического характера могут нам показать, что постановке всякого эксперимента всегда предшествует постановка проблемы, теории. Если бы у нас предварительно не существовали какие-либо теории, то у нас не могло бы быть оснований произвести этот, а не другой какой-либо эксперимент. Поэтому без теоретической части психологии так называемая экспериментальная психология превратилась бы в бессмысленное собирание фактов, ни для чего не нужных. Ведь факты собираются для того, чтобы подтвердить или опровергнуть какую-либо теорию. Теории же созидаются далеко не всегда из обобщения фактов, а весьма часто путем *дедуктивным*.

Итак, в психологии теоретическая, или дедуктивная, часть является чрезвычайно важной: *без нее невозможна экспериментальная психология*. Конечно, это утверждение очень многим покажется совершенно неожиданным. Многим может показаться, что это

утверждение имеет, в свою очередь, только теоретический характер и в качестве такового неубедительно. Но стоит обратиться к современному состоянию научной психологии в Германии в связи с развитием экспериментальной психологии для того, чтобы убедиться в справедливости защищаемого мной положения.

Состояние психологии в Германии самым явственным образом показывает, что в **психологии теоретическая часть имеет огромное значение**. В самом деле, возьмите в руки «Очерки психологии» Вундта, одного из самых видных представителей современной экспериментальной психологии, и рассмотрите, что представляют его рассуждения относительно апперцепции, ассоциации, актуальности и т. п. Есть ли это продукт экспериментального исследования или просто теории? Нет никакого сомнения в том, что просто теории. Если Вундт, всю свою жизнь посвятивший созиданию экспериментальной психологии, не отвергает теорий, то я думаю, что мы можем пойти по его следам. Рассмотрите «Tonpsychologie» Штумпфа, и вы увидите, что наряду с экспериментами идут очень тонкие рассуждения теоретического характера. В настоящее время в Германии те ученые, которые занимаются экспериментально-психологическими исследованиями, считаются с существующими спорными теориями. В числе чистых теоретиков в Германии я мог бы назвать в последнее время Гуссерля и Липпса. Тем не менее их взгляды и теории не оставляются без внимания экспериментаторами: экспериментальные исследования последнего времени весьма часто приводятся в связь с их теориями, именно их теории являются поводом для экспериментального исследования. Например, в школе Кюльпе в Вюрцбурге. Вирт, помощник Вундта в заведении Лейпцигским институтом экспериментальной психологии, выпуская свою книгу «О явлениях сознания», представляющую сплошь продукт экспериментальных исследований, признается, как многим он обязан взглядам Липпса³. А что представляют собой выдающиеся течения в современной немецкой психологии – апперцепционная психология, так удачно вытесняющая ассоциативную психологию, и так называемая «функциональная» психология, выводы которой имеют такую важность не только для психологии, но и для физиологии – именно для теории мозговой локализации; представляют ли они собой продукт теории или продукт экспериментального исследования? Мне кажется, на этот вопрос можно ответить без всяких колебаний, что они представляют продукт теории.

Да и самое устройство и ведение психологических институтов в Германии показывает, как там смотрят на связь теоретической психологии с психологией экспериментальной. Работы психологических институтов приводятся в связь с работами философских семинарий. Это знак того, какую важность придают там руководители институтов философскому образованию, а вместе с тем и теоретической психологии. Укажу, например, на институт Мейнонга в Граце, Марбе во Франкфурте, Кюльпе в Вюрцбурге. Результаты такой совместной работы сказываются в том, что исследования молодых психологов по экспериментальной психологии в Германии обнаруживают солидное теоретическое образование.

Есть в настоящее время направление психологии, которое называется описательным, или **феноменологическим**. Его отличительной чертой является то, что оно ставит своей целью описание тех или иных психических процессов. Такова, например, психология Липпса, Гуссерля, Мейнонга. Их описания не представляют экспериментального исследования, а исследование при помощи самонаблюдения. Здесь изучаются вопросы о психологической природе понятий, процесса абстракции, суждения, неконкретного мышления и т. п. Это все такие вопросы, отно-

³ См. его «Die experimentelle Analyse der Bewusstseinsphenomene», 1908. Vorwort, s. VII.

нительно которых даже с трудом можно утверждать, что они могут исследоваться экспериментальным путем. В последнее время эти вопросы исследуются экспериментально в психологическом институте вюрцбургского профессора Кюльпе. Теории указанных писателей частью подтвердились. Этот пример очень ясно показывает, что теории были предложены раньше, чем приступили к экспериментальному исследованию, которое в значительной мере подтвердило их.

Многим кажется, что *постановка экспериментов происходит независимо от теорий*. Блестящим опровержением этого является настоящий основатель экспериментальной психологии— Фехнер. Как известно, он впервые блистательно приложил числовые данные к анализу душевных явлений, первый выработал методы экспериментального исследования. Спрашивается, чем же он руководился при своем исследовании? Многие думают, что он, физик, просто задался целью перенести на изучение душевных явлений те методы, которыми он пользовался при физических исследованиях. Можно утверждать, что в действительности было не так. Он пришел к открытию экспериментальных методов, руководимый теоретическим интересом. Он хотел именно определить взаимоотношение между душой и телом. В поисках решения этого вопроса он и пришел к применению экспериментальных методов исследования психических явлений.

Заметим дальше, что если употреблять строго научную терминологию, то нужно будет признать, что собственно экспериментальной *психологии* не существует, есть только экспериментальные *методы* исследования. Экспериментальная психология была бы особой психологией только в том случае, если бы она имела свое особое *содержание*; на самом же деле она своего содержания не имеет. Она исследует те же самые вопросы, которые решала и прежняя психология без помощи эксперимента, но при помощи простого наблюдения. Здесь разница только в *методах*, но не в *содержании*. Вследствие этого никак нельзя сказать, что есть особая экспериментальная психология. В настоящее время все содержание ее входит в состав психологии просто. В самом деле, почему какое-либо положение, которое доказано экспериментально, например, относительно ассоциации, внимания и т. п., должно входить в состав именно экспериментальной психологии, а не психологии просто. Ведь и в прежней психологии трактовалось об ассоциации, о внимании с той самой точки зрения, которая может интересовать психолога-экспериментатора.

Положение экспериментальной психологии таково, что хотя она прибавила нечто *новое, некоторое бесспорное усовершенствование, но она ничего из прежней психологии не отвергла*. Она ничего не исключает из того, что было в прежней психологии, и потому те, которые говорят, что теперь есть только экспериментальная психология или, по крайней мере, должна существовать только экспериментальная психология, потому что она более совершенна, уподобляются тому человеку, который сказал бы, что он в настоящее время совсем не хочет пользоваться способом передвижения при помощи хождения, потому что существует способ усовершенствованного передвижения при помощи воздухоплавания. Верно то, что передвижение при помощи аэропланов представляет более усовершенствованный способ передвижения, но ведь он совершенно не устраняет способа передвижения при помощи хождения. По самой своей природе человек наверное никогда не будет в состоянии отказаться от хождения. Причем в некоторых случаях передвижение при помощи аэропланов является совершенно неприменимым, в то время как хождение вполне применимо. Совершенно таким же образом обстоит и в психологии: в ней есть проблемы, по отношению к которым эксперимент совершенно не применяется.

Итак, экспериментальный способ исследования ничего не отвергает из прежней психологии; он только сам прибавляет нечто **новое**, более **совершенное**, но ведь **прибавление чего-либо нового вовсе не предполагает, что все прежнее устраняется**. Если кто в этом согласен со мной, то он согласится также и в том, что противопоставление экспериментальной психологии прежней психологии, будто бы метафизической, ни на чем не основано.

Надо покончить с противопоставлением психологии экспериментальной психологии теоретической. Многим кажется, что если признать законность экспериментальной психологии, то это значит отрицать теоретическую, и, наоборот, если кто-либо настаивает на важности теоретической, то это значит, что он отрицает эксперимент. Самое правильное – признать, что одно не исключает другого. Если, кроме того, признать, что психологические теории не только не являются лишними, а, напротив, необходимы, ибо без теоретической психологии невозможна экспериментальная психология, то сделается ясным, что нет двух психологий, есть только одна психология, в состав которой входят вопросы, исследуемые при помощи экспериментальных методов.

Для того чтобы видеть, что предлагаемая мной поправка в общепринятой формуле имеет **практическое** значение, я постараюсь сделать из нее выводы именно применительно к учебному делу.

Прежде всего с этой точки зрения совершенно ясно, как мы должны оценивать **значение экспериментальной психологии**. Как известно, еще недавно многие очень скептически относились к экспериментальной психологии, но успехи ее за последнюю четверть столетия показали огромную плодотворность употребляемых ею методов исследования. Решены многие проблемы, которые прежде совсем не поддавались решению. Те факты, которые обнаружили благодаря экспериментальным методам исследования, выдвинули новые проблемы. К исследованию многих проблем применены экспериментальные методы, которые хотя не дали еще прочных результатов, но тем не менее обещают в будущем быть очень плодотворными. Сфера приложения экспериментальных методов все больше и больше расширяется, так что со временем, можно надеяться, очень многие проблемы, которые в настоящее время не поддаются решению, будут разрешены. В настоящее время так много психологических проблем изучается при помощи экспериментальных методов исследования, что разработка многих отделов психологии невозможна без применения экспериментальных методов.

Такое значение экспериментальной психологии обязывает стремиться к тому, чтобы у нас, в России, изучение экспериментальных методов и применение их распространялись все больше и больше. Желательно, чтобы во всех русских университетах и во всех тех высших учебных заведениях, где для этого имеются подходящие руководители, были учреждены институты экспериментальной психологии. Очень желательно также, чтобы в ближайшее время все кафедры психологии у нас, в России, были заняты преподавателями, знакомыми с экспериментально-психологической техникой. Но, с другой стороны, я думаю, что в настоящее время **интерес к экспериментальной психологии совершенно напрасно заслоняет собой все другие виды исследования**. По моему мнению, другие отрасли психологии, например генетическая психология, должны составлять предмет такой же заботливости, как и развитие экспериментальной психологии. В особенности я позволю себе обратить внимание на теоретическую психологию, без которой экспериментальная психология может выродиться просто в ремесленную технику. Будут производить эксперименты по какому-нибудь принятому шаблону, подобно тому как этим вообще может заниматься ремесленник. Ведь простой работник знает, как что-либо делается, но не знает, почему так делается.

В самом деле, можно ли производить какие-либо эксперименты, например, относительно ассоциаций, если у нас нет какой-либо собственной классификации ассоциаций? Можно ли произвести какие-либо эксперименты относительно внимания, если у нас нет какой-либо предварительно построенной теории внимания?

Мне кажется поэтому, что теоретическую психологию нужно поставить на должное место. При постановке преподавания психологии в высшей школе следует стремиться к тому, чтобы теоретическое образование *предшествовало* изучению и применению экспериментальных методов исследования, потому что, как я только что указал, без основательной теоретической подготовки нельзя производить каких бы то ни было экспериментов. Если так называемая экспериментальная психология составляет только часть психологии просто, то не следует стремиться к изучению ее одной, а следует изучать психологию вообще. Если изучение теоретической психологии представляется таким важным, то ясно, что не следует предъявлять требования, чтобы, например, в средней школе изучалась только экспериментальная психология, потому что, ограничивая даже изучение психологии той частью, где не применяются экспериментальные методы исследования, мы будем иметь вполне достаточно важного материала для изучения.

Таковы выводы по отношению к научной разработке психологии и к постановке ее в высшей и средней школе.

Но этим не исчерпываются те практические выводы, которые можно сделать из указанного мной положения. Если признать неразрывную связь экспериментальной психологии с теоретической, то делается ясным, что нельзя заводить *лаборатории* там, где нет опытных руководителей, потому что, не говоря уже о сложности самих психологических экспериментов, отсутствие достаточной теоретической подготовки делает работу бесплодной⁴.

⁴ Я говорю о лабораториях для самостоятельных исследований, а не о психологических кабинетах, представляющих коллекцию приборов для демонстраций. Целесообразность этих последних я вполне признаю и даже сам в настоящее время занят составлением такой коллекции для гимназий, но я решительно протестую против предоставления людям, недостаточно подготовленным, психологических лабораторий для самостоятельных исследований.

В подтверждение своевременности поднятого мной вопроса могу сослаться на то, что на Международном психологическом конгрессе, происходившем в Женеве в июле текущего года, по поводу экспериментальной психологии высказывались те же взгляды, которые защищаю и я (см. отчет о конгрессе: «Вопросы философии и психологии», № 99). Могу сослаться также на то, что после прочтения моего доклада появилась статья Вундта «О чистой и прикладной психологии» (Psychologische Studien. V. Bd, I. und 2. H. 1909), в которой он совершенно таким же образом оценивает значение современной экспериментальной дидактики и отношение теоретической психологии к прикладной, как это делаю и я. Вот, например, что он говорит о практическом значении экспериментальной дидактики: «Каждый опытный педагог согласится с тем, что для общих задач воспитания и обучения всестороннее психологическое образование несравненно плодотворнее, чем собиравание отдельных технических опытов на основании собственных или чужих экспериментов». Статья его, вызванная, по-видимому, желанием высказаться по поводу того направления, которое защищается в «Экспериментальной дидактике» проф. Меймана, заканчивается следующим резюме: «Поспешное стремление к практическому применению приводит к таким понятиям, в которых повторяется точка зрения психологии способностей. Шаблонное применение понятий способностей заставляет отступать на задний план описание и экспериментальный анализ психических процессов. Где современная психология из чересчур ревностного стремления служить практике превращается в технику заучивания наизусть (eine ruckstandige Memoriertechnik), в учение об образовании характера, там на эти практические следствия можно смотреть как на верный знак того, что они и в теории находятся на ложном пути. Если такой исследователь, как Мейман, который в своих прежних работах представил блестящие образцы своей способности анализа психологических проблем, вследствие слишком продолжительного или даже исключительного занятия методами обучения и подобными практическими вопросами попал на такой сомнительный путь (auf solche bedenklliche Wege gerathen ist), то чего же в таком случае ожидать от экспериментаторов-педагогов, которые без такой подготовки (Vorbereitung) хотят реформировать воспитание и обучение? Им нужно только посоветовать, чтобы они сделались прежде всего всесторонне образованными, а не односторонне ориентированными психологами и затем приступали бы к вопросу, как следует ставить новые задачи в педагогике». Последние слова Вундта как будто бы обращает к русским экспериментаторам-педагогам.

Нельзя, далее, поручать собирание психологического материала лицам неопытным, потому что это легко может привести к собиранию никому не нужного материала и к напрасной потере времени. Такого рода собирание материала должно быть предоставлено только лицам с серьезной научно-психологической подготовкой⁵.

Если кто-нибудь подумал, что я сколько-нибудь хотел умалить значение экспериментальной психологии, тот совершенно неправильно меня понял. Ничего подобного у меня в намерениях не было; я думал только о том, чтобы удержать ее от вырождения, чтобы она не сделалась псевдонаукой. Предлагая приводить изучение экспериментальной психологии в связь с теоретической, я исхожу из убеждения, что таким образом можно углубить экспериментальные исследования и сделать их более серьезными. Я думаю не об устранении экспериментальной психологии, а об основательности ее разработки. Я не думаю утверждать, что ценность экспериментальной психологии ниже ценности теоретической; я хочу только предостеречь от опасных последствий пренебрежения теоретической психологией. Я боюсь того плодящегося дилетантизма в психологии, когда очень многие думают, что в психологии можно производить исследования или собирать факты с такой же легкостью, с какой дети собирают гербарий или коллекцию насекомых⁶. Собранная коллекция насекомых или растений все же может быть полезна, а собранные любителем психологические факты никому, кроме самого собирателя, не нужны. Ни один психолог не пожелает ими воспользоваться, потому что всегда у него может быть подозрение относительно того, правильно ли факт опи-

Приводя последние слова Вундта, я позволил бы себе выразить надежду, что, может быть, они окажутся достаточным предостережением для руководителей С.-Петербургской психологической лаборатории в их чересчур ревностном стремлении распространять лаборатории по экспериментальной дидактике среди русских педагогов. Если моим предостережениям они не придавали никакой цены, то авторитет Вундта в их глазах должен иметь бесспорное значение. Ведь недаром же они прилагают усилия к тому, чтобы сочинение Вундта «Физиологическая психология» сделалось доступным для русского читателя. В качестве образчика того, как в Германии смотрят на психологические лаборатории в средних учебных заведениях, я приведу выдержку из только что вышедшего номера «Zeitschrift für angewandte Psychologie» (1909. Н. 1 und 2, с. 115), журнала, посвященного и прикладной психологии: «Устройство маленьких психологических лабораторий в разных учительских семинариях, где отсутствует надзор специалиста (wo die fachliche Aufsicht fehlt) и где кажущаяся точность аппаратов и кривых может сделаться предметом злоупотребления, было бы настоящим несчастьем» (geradezu ein Unglück). Очевидно, в Германии ясно сознается опасность таких лабораторий, распространение которых Петербургская лаборатория ставит себе в заслугу.

⁵ При чтении доклада я назвал такого рода материал «экспериментальным хламом» и думаю, что это название совершенно справедливо. Если экспериментально-психологическими исследованиями занимаются для упражнения, то это можно вполне одобрить, но если неопытные люди думают, что собранный ими материал может иметь научное значение, то они занимают место собиранием «экспериментального хлама».

⁶ Эти слова мои подтвердились полностью. Во время прений выяснилось, что некоторые преподаватели психологии, устроившие у себя психологические лаборатории, занялись исследованием умственных способностей учащихся при помощи тех психологических приборов, которые у них имелись в распоряжении (измерением времени реакции, исследованиями при помощи тахистоскопа и т. п.). Они ставили, как они сами выражались, «диагнозы». По их словам, эти диагнозы принимались в соображение педагогическими советами. Они даже утверждали, что их диагнозы всегда оказывались безошибочными. Такое поспешное практическое применение психологических измерений показывает, что они слишком недостаточно теоретически подготовлены для самостоятельных исследований. По этой причине они и думают, что какие-либо данные, полученные на тахистоскопе, могут являться указателем вообще умственных способностей учащихся. Смею уверить таких экспериментаторов, что в современной экспериментальной психологии нет таких методов исследования, при помощи которых можно было бы устанавливать «диагнозы», пригодные для руководства педагогического совета. Преподаватели, которые предлагают свои экспериментальные исследования педагогическим советам для руководства, заблуждаются и невольно вводят в заблуждение и других. Я убежден, что при более глубоком теоретическом знакомстве с психологией они были бы в состоянии разобраться в ошибочности своих применений. Очевидно, руководители Петербургской психологической лаборатории, снабжая их психологическими приборами, не снабдили указанием, что их исследования не могут носить такого характера, чтобы педагогические советы могли ими руководствоваться.

сан. Натуралист может воспользоваться коллекцией гимназиста для того, чтобы сделать свои выводы относительно фауны или флоры той или другой местности, а ученый едва ли решится воспользоваться психологическими фактами, описанными лицами, заведомо лишенными теоретической подготовки.

Я бы даже думал, что коллекционерство в психологии может быть в некоторых отношениях вредным, потому что оно способно порождать дилетантизм. Сколько, например, в последнее время развелось всевозможных *анкет* для разрешения психологических вопросов. Но ведь для того чтобы произвести анкету, необходима теоретическая подготовка: надо уметь и вопрос поставить, уметь и психологически истолковать полученные результаты.

Если мы примем, что экспериментальная психология только часть психологии, то из этого положения можно сделать следующий практический вывод. Если кто-нибудь почему-либо не может заниматься исследованием душевной жизни при помощи экспериментов, то это не значит, что для него вообще закрыт доступ для изучения и даже для самостоятельной разработки психологии. Есть еще огромные области психологии теоретической и психологии генетической, которые *могут доставить* необычайно богатый материал для самостоятельного исследования⁷.

Таким образом, ясно, что предметом наших забот должна быть не только экспериментальная психология, но и другие отрасли психологии, и в особенности ее теоретическая часть.

Резюмируя свой доклад, я бы сказал, что, с моей точки зрения, весьма желательно, чтобы положен был конец противопоставлению психологии экспериментальной психологии просто. Мне кажется, что только при признании, что психология едина, что экспериментальная психология есть только составная часть психологии просто, создадутся условия, обеспечивающие правильное развитие психологии; тогда, можно надеяться, и развитие психологии пойдет по правильному пути, и психологические знания потекут по правильному руслу.

⁷ Эти слова были мной произнесены, и вследствие этого для меня совсем непонятно, как мог председатель съезда академик В. М. Бехтерев в своем заключительном слове, очевидно, по моему адресу, выразить «пожелание, чтобы наука не загонялась искусственно в привилегированные палаты университетов, а пошла бы по широкому и открытому пути практического применения к жизни» (см. газету «Речь», № 152). Из сказанного мной совершенно очевидно, что я не требую того, чтобы «наука искусственно загонялась в привилегированные палаты университетов». Но я думаю, что долг университетских преподавателей быть на страже научности; если наука перестает быть наукой, если она извращается, мы обязаны на это указывать. Если она по состоянию своего развития не может быть разрабатываема вне университета или вообще высшего учебного заведения, то она не должна выходить за пределы высших учебных заведений. Я именно это утверждаю относительно экспериментальной психологии. Методы ее еще слишком несовершенны, чтобы они могли иметь практическое применение, но наряду с этим я думаю, что всякий интересующийся психологией может самостоятельно разрабатывать психологию. Так как слова, приведенные мной в тексте, были действительно сказаны на съезде, то я решительно протестую против слов председателя. Между обереганием науки от профанации и искусственным запиранием ее в стенах университетов есть огромное различие.